

Найти разумное объяснение столь поразительному сходству Ван Цюань так и не сумел.

Гу Цзицин — тоже.

Окинув взглядом двух парней, замерших в неловком оцепенении, Гу Цзицин легким движением стряхнул снег с купола зонта:

— Что стряслось?

Чжоу Цыбай от лихорадочного напряжения даже не успел подобрать слова, а Ван Цюань уже подскочил к Гу Цзицину с включенным видео:

— Смотри! Кажется, я раскопал истинную сущность нашего директора Чжоу!

На экране белоснежный самоед с виноватой мордой уставился на хозяина, вытянув хвост стрункой от страха.

Пёс и впрямь до смешного походил на застывшего рядом Чжоу Цыбая.

Гу Цзицин едва заметно улыбнулся:

— А что, весьма мило.

Чжоу Цыбай, уже набравший воздуха в грудь, чтобы рявкнуть Ван Цюаню: «Сам ты самоед!», подавился словами и...

Сжал зубы, так ничего и не сказав.

Ладно.

Самоед так самоед.

Заметив смену его настроения, Гу Цзицин поднял глаза:

— Что-то произошло?

Чжоу Цыбай разомкнул губы, намереваясь выложить всё и попросить прощения, но нужные слова никак не шли на ум.

К счастью, снизу, со стороны крыльца общежития, вовремя донёлся зычный крик:

— Корпус один, комната триста четырнадцать! Чжоу Цыбай, вам доставка!

Гу Цзицин бросил короткое: «Тебе сейчас тяжело ходить, я сам сбегаю», — и, снова раскрыв зонт, шагнул в снегопад.

Его тон звучал настолько мягко и естественно, будто вчерашней стычки вовсе не бывало и никто ни на кого не обижался.

Чжоу Цыбай неосознанно сжал костяшки пальцев, опущенных вдоль тела.

Ван Цюань поглядел сначала на его угрюмое лицо, потом на удаляющуюся фигуру Гу Цзицина и наконец просёк фишку:

— Директор Чжоу, признавайся, ты где-то накосячил перед нашим красавцем? Чего вид такой, будто нагадил и ждёшь расправы?

— Нигде я не накосячил, — отрезал Чжоу Цыбай низким, глухим голосом. — Просто вчера решил, будто он знал про девушку Хэ Чанчжи и всё равно нарочно сбил его с пути истинного.

—??? — Ван Цюань аж три вопросительных знака мысленно отчеканил. — Дружище, ты из какой мыльной оперы такую дичь выкопал?! Марш извиняться, пока не поздно!

Чжоу Цыбай поджал губы и ничего не ответил.

Он привык, что в жизни всё даётся легко: статный, красивый, богатый, звезда спорта, девчонки косяками выются — настоящий любимец судьбы.

Поэтому Ван Цюань, видя, как тот снова врубает режим высокомерного красавчика, испугался, что парень встанет в позу и не захочет наступать на гордость:

— Слышь, я знаю, что ты гомофоб, но Цзицин — отличный парень. Перестань до него цепляться и супить бровки, как крутой...

Не успел он договорить слово «пацан», как Чжоу Цыбай вскинул взгляд и вытянул руку.

Ван Цюань, тащивший охапку контейнеров с едой, подумал, что тот хочет помочь, и уже собрался отмахнуться, но за спиной раздался писк магнитного замка.

Длинная рука Чжоу Цыбая перемахнула через плечо Ван Цюаня, подхватывая у вернувшегося

Гу Цзицина пакеты с едой и зонт.

— Тяжёлое, давай я, — тихо пробормотал Чжоу Цыбай, опустив длинные ресницы.

Его бархатистый баритон прозвучал мягко, заботливо и донельзя послушно.

От былой ледяной неприступности не осталось и следа.

Гу Цзицин без возражений передал ношу:

— Ну забирай, и правда нелёгкое. Пойдём, я помогу тебе подняться.

Ван Цюань, зажатый между ними и абсолютно проигнорированный:

«...»

???

А как же декларируемая гомофобия?!

Хотя Ван Цюань совершенно не понимал, что за странная химия творится между этими двумя, поднявшись в комнату и помогая пристроить травмированного Чжоу Цыбая, он всё же успел шепнуть ему на ухо, чтобы тот не тянул с извинениями.

Едва дверь за гостем закрылась, Гу Цзицин заметил, что термосок с кашей на столе так и стоит нетронутым.

— Каша не понравилась? — с мягким любопытством спросил он.

Простой, ни к чему не обязывающий вопрос.

Однако Чжоу Цыбай дернулся так, словно его обличили в страшном грехе. Он тут же схватился за термобокс:

— Да нет! Просто поздно встал, не успел разогреться. Сейчас всё съем!

—? — Гу Цзицин недоуменно указал на пакет с доставкой в его другой руке. — А это тогда что?

«...»

Нависла короткая пауза.

Чжоу Цыбай, свято веривший, что честность — главная добродетель человека, залился краской до самых ушей и с наигранным спокойствием поставил пакет на столик:

— Это тебе заказывал. А сам я кашу буду.

На самом деле он просто борется за то, чтобы Гу Цзицин не думал, будто его забота досталась неблагодарной скотине.

Гу Цзицин о подобном даже не помышлял. Он лишь скользнул взглядом по названиям на контейнерах.

Свинина в кисло-сладком соусе с ананасами, окунь-белка в кисло-сладком соусе, кисло-сладкая пекинская капуста.

Все его любимые блюда.

Вспомнив, что вчера проговаривался о любви к кисло-сладким вкусам, Гу Цзицин решил: Чжоу Цыбай, судя по всему, просто не любит оставаться в должниках. А раз так — отказываться не стоит.

Тихо роняя «спасибо», он присел к столику и стал разворачивать упаковку.

Чжоу Цыбай открутил крышку термоса и устроился напротив.

И тут же обнаружил: несмотря на хрупкое телосложение и изящную манеру есть, аппетит у Гу Цзицина весьма неслабый. Целая тушка окуня стремительно превращалась в голый скелет, а порция свинины таяла на глазах.

А вот к овощам и тушеной капусте тот даже не прикоснулся.

«Только мясо наворачивает, а зелень игнорирует. Как при таком рационе баланс веществ поддерживать?»

Чжоу Цыбай, отправляя в рот копеечную больничную кашу, несколько раз порывался взять на себя роль воспитателя, но в последний момент волевым усилием прикусывал язык.

Они ещё не в тех отношениях, чтобы читать друг другу нотации о вреде избирательного аппетита.

К тому же сейчас его куда сильнее заботил вопрос извинений. По жизни он косячил редко, извинялся ещё реже, а потому понятия не имел, с чего начать.

Пока он подбирал формулировки, в кармане звякнул телефон.

[Сосед Лао Ван]: *Ну что, как успехи с покаянием перед красавцем? Смотри у меня, если из-за твоих загонов он передумает со мной дружить, я тебе этого не прощу!*

«Красавец да красавец... Откуда у него эта дурацкая привычка клеить ярлыки?»

Чжоу Цыбай помрачнел и набрал ответ:

[White]: *Хватит звать его красавцем. Он парень, проявляй уважение.*

[Сосед Лао Ван]: *???*

[Сосед Лао Ван]: *Слышь, «красавец» — это вообще-то комплимент!*

[Сосед Лао Ван]: *И чё ты на меня с утра наезжаешь?!*

[White]: *Сам поразмысли на досуге.*

Отправив сообщение, Чжоу Цыбай поднял глаза и снова застал Гу Цзицина за преступлением: тот аккуратно выковыривал из соуса кусочки зелёного перца и отправлял их на вершущку внушительной горки «нелюбимых овощей».

Терпение Чжоу Цыбая лопнуло:

— Ты почему овощи не ешь?

Пальцы Гу Цзицина с зажатыми палочками замерли. Попался.

Он поднял взгляд и с самым честным видом попытался оправдаться:

— Вообще-то... я немного съел.

«...»

Чжоу Цыбай привык видеть Гу Цзицина безупречным, собранным и подчеркнуто вежливым. Видеть, как тот смущенно хлопает глазами, застигнутый за детской проказой, было странно.

И почему-то... невероятно мило.

Стоило этому слову вспыхнуть в голове, как Чжоу Цыбай вспомнил известную истину: «милый» — это высшая оценка для парня. Он тут же испуганно отвёл взгляд и палочками перетащил всю горку отвергнутых перцев в свою пиалу:

— Ладно. В следующий раз всё, что не любишь, скидывай мне. Нечего продукты переводить.

— Хорошо, — легко согласился Гу Цзицин.

Овощной кризис миновал, и он, не придавая значения странной фразе сожителя, просто перевёл тему:

— Ты хотел о чём-то спросить?

Теперь застыть черед наставал Чжоу Цыбаю.

Он торопливо отправлял перец в рот и, не поднимая глаз, буркнул:

— Да так... Извиниться хотел.

Гу Цзицин не сразу понял:

— За что?

Чжоу Цыбай поджал губы:

— Я вчера, не разобравшись в ситуации, наговорил тебе глупостей. Надеюсь, ты не принимаешь это близко к сердцу.

Пальцы, сжимавшие палочки, побелели. Сейчас он до боли напоминал нашкодившего первоклашку, с трепетом ждущего приговора строгой учительницы.

До Гу Цзицина наконец дошло, почему вчера вечером этот гигант ходил туча тучей.

«И впрямь ходячий эталон морали».

Не придавая происшествию никакого значения, Гу Цзицин продолжил разбирать рыбу:

— Забудь. Я не обижался, да и извиняться тебе незачем. Ты ни в чём не виноват — я сам толком ничего не объяснил. Не бери в голову.

Он проговорил это настолько буднично и ровно, что Чжоу Цыбай окончательно запутался — искренне это или просто вежливая маска.

Но каков бы ни был ответ, чувство вины лишь усилилось.

«Как я мог подумать, будто такой чуткий, ранимый человек, который всегда думает о других и привык проглатывать обиды молча, способен на низкий поступок?»

Действительно ли Гу Цзицин успокоился?

Словно прочитав его мысли, телефон снова ожил.

[Сосед Лао Ван]: *Директор Чжоу, ну что там?! Ты извинился или как?!*

[White]: *Извинился.*

[Сосед Лао Ван]: *И чё он сказал?*

[White]: *Сказал, что всё в порядке.*

[Сосед Лао Ван]: *?*

[White]: *??*

[Сосед Лао Ван]: *И всё?! Без продолжения?!*

[White]: *Без.*

[Сосед Лао Ван]: *...Ну ты и попал, чувак.*

Чжоу Цыбай насупился: «Попал?»

[Сосед Лао Ван]: *Ты вообще в отношениях ноль, да?!*

[Сосед Лао Ван]: *Неужели не знаешь: когда тебе говорят «всё в порядке», это значит — ПОЛНЫЙ ПИЗДЕЦ! Если говорят «ты не виноват» — значит, ТВОЯ ВИНА ОГРОМНА! А «я не обиделся» означает «Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ»!*

****[Сосед Лао Ван]**: *Вспомни характер Гу Цзицина! Он станет тебе жаловаться, если его задела?!***

****[Сосед Лао Ван]**: *Такая реакция — самое худшее! Это значит, ты ранил его в самое сердце, и фиг ты теперь это загладишь!***

«Ранил в самое сердце... и фиг загладишь?»

В памяти Чжоу Цыбая всплыл образ Гу Цзицина, одиноко свернувшегося калачиком на самом краю кровати прошлым вечером.

Пальцы сжали корпус телефона с такой силой, что пластик хрустнул.

Гу Цзицин тем временем закончил с трапезой и поднялся, собираясь убрать со стола.

Чжоу Цыбай тут же подорвался:

— Я сам!

Заметив удивленный взгляд соседа, он смущенно добавил:

— Ты же мне кашу принёс с утра. Надо отвечать взаимностью.

Гу Цзицин про себя улыбнулся: «Любит, чтобы всё было поровну».

В отличие от Хэ Чанчжи, склонного принимать обычную вежливость за симпатию, такой подход ему нравился куда больше. С соседом, соблюдающим чёткие границы, и жить, и расставаться куда проще.

Гу Цзицин кивнул:

— Хорошо, спасибо.

Вернувшись за рабочий стол, он открыл ноутбук и погрузился в написание курсовой по гауссовскому распределению.

В этот момент зазвонил телефон.

— Алло, Гу-Гу! — раздался в динамике веселый голос Ся Цяо. — Я тут каштанов горячих купил! Привезти тебе пакетик?

Гу Цзицин был знатным сладкоежкой, а зимой обожал всё горячее — от жареных каштанов до запечённого батата.

Но Ся Цяо учился в Институте искусств и жил в Южном кампусе — тащиться оттуда в такой снегопад было безумием.

— Не нужно, — мягко ответил Гу Цзицин. — На улице метель, занесёшь в другой раз. К тому же мне лень их чистить.

Гу Цзицин всегда казался окружающим безотказным и невероятно милым, но в быту отличался редкой ленью: любил поспать, терпеть не мог выходить из дома, ненавидел мыть посуду и чистить всё, что имеет скорлупу или кожуру.

Просто ради комфорта окружающих он обычно глушил эту свою ленивую натуру.

Ся Цяо, прекрасно знавший эту его черту, сокрушенно вздохнул:

— Эх, жаль. А я-то помнил, как у тебя от каштанов настроение поднимается, два кило ухватил... Придётся теперь боссу Шэню отдавать, вот уж кому повезло.

Комнатка в общежитии была небольшой, а вокруг царил тишина, так что слова из динамика без труда долетели до ушей Чжоу Цыбая.

Рука с зажатым мусорным пакетом замерла.

«Гу Цзицин любит каштаны?»

«И они поднимают ему настроение?»

Чжоу Цыбай не надеялся, что тот мгновенно сменит гнев на милость, но видеть, как парень снова уходит в себя и тихо тоскует, было выше его сил.

От одной мысли об этом в груди становилось тесно.

Немного помолчав, он вытащил телефон и набрал сообщение Ван Цюаню:

[White]: *Сможешь сбежать к Южным воротам за каштанами? Килограмма полтора возьми.*

[Сосед Лао Ван]: *?*

[White]: *Гу Цзицин хочет. А у меня нога.*

[Сосед Лао Ван]: *???*

[Сосед Лао Ван]: *Слышь, на улице дубарь, я спать лег! Ты меня в метель за каштанами гонишь?! Ты вообще человек?!*

Аргумент звучал убедительно, но у Чжоу Цыбая имелся козырь:

[White]: *Сделаю за тебя чертежи к курсачу на этой неделе.*

Ответ прилетел мгновенно:

[Сосед Лао Ван]: *Есть, батя! Уже лечу! Доставлю в лучшем виде!*

[White]: *В комнату не заходи. Как купишь — звякни, я сам выйду.*

[Сосед Лао Ван]: *?*

[White]: *Не спорь. ТЗ по проекту скинь в чат.*

[Сосед Лао Ван]: *Принято, батя.*

— Папаша Цы, ну нафига тебе надо было тащиться ко мне в комнату? Ногу совсем не бережёшь? — прохрипел Ван Цюань, сдувая снежинки с покрасневшего носа.

Впрочем, за готовый проект макета он был готов простить братану любую блажь.

Чжоу Цыбай уселся за его стол и с непроницаемым лицом принялся чистить каштаны один за другим.

— Гу Цзицин не любит чистить сам.

—? — Ван Цюань, обладавший весьма сообразительным умом, завис на добрую минуту. — Не, ну допустим... Но почему нельзя было почистить у себя?

Чжоу Цыбай продолжал орудовать ногтями с лицом сфинкса:

— Он пишет работу. Хруст скорлупы будет его отвлекать.

«...»

В этот момент Ван Цюань, наблюдавший, как двухметровый шкаф с трепетом чистит маленькие орешки, понял смысл выражения «мой кореш — полный псих».

А в следующий миг «псих» ровным тоном добавил:

— Я и 3D-модель тебе соберу. Садись, помогай, а то остынут.

Жертва дружбы вздохнула:

— Понял, батя...

— Слушай, — выламывая очередное ядро, заметил Ван Цюань, — он же сказал, что не обижается. А ты ему целый ушат каштанов чистишь... Парень не охренеет? Если б мне какой-то мужик настукал ведро каштанов, я б решил, что он ко мне подкатывает, и свалил в туман.

Пальцы Чжоу Цыбая замерли.

В голове вспыхнули слова Гу Цзицина: «Не люблю оставаться в должниках».

С его характером он точно не примет такой подарок просто так.

А если ещё и подумает, будто Чжоу Цыбай вознамерился за ним ухаживать...

Да, он считает Гу Цзицина неплохим парнем. Но они просто соседи! Никакого подтекста!

Поэтому...

Час спустя.

Гу Цзицин оторвался от экрана и с немым вопросом уставился на двухметрового атлета, застывшего перед ним с пластиковым контейнером, доверху набитым янтарными ядрами каштанов.

Чжоу Цыбай, поклявшийся вчера «держаться дистанцию и не лезть не в своё дело», поджал губы, отвёл вспыхнувшие уши и с предельно неловким видом выдавил:

— Это... Ван Цюань мне бинты на ноге растрепал. Не сможешь перевязать?

И, помешкав секунду, сунул контейнер с чудо-средством для подъёма настроения прямо ему в руки:

— А это... за работу.

<http://bllate.org/book/20143/1992105>